

ПРОЛОГ

Блу Сарджент уже сбилась со счета, сколько раз ей говорили, что она убьет человека, которого полюбит.

Ее родные торговали предсказаниями. Они, впрочем, обходились без особой конкретики. «Сегодня с тобой случится что-то очень плохое. Возможно, это будет как-то связано с цифрой «шесть». Или: «Тебя ждут большие деньги. Главное — не прозевай». Или: «Тебе предстоит принять важное решение, и само собой это не делается».

Людей, которые приходили в маленький, яркосиний домик (Фокс-Вэй, 300), не смущала расплывчатость предсказаний. Это было своеобразной игрой, вызовом судьбе — угадать точный момент, когда предсказание сбудется. Когда, спустя два часа после сеанса, микроавтобус, в котором ехали шесть человек, врезался в машину клиента, тот

мог с облегчением кивнуть: задачка решилась. Когда другой клиентке сосед предложил купить у нее старую газонокосилку — а она как раз нуждалась в деньгах, — женщина вполне могла припомнить предвещание и ответить утвердительно, нимало не сомневаясь, что это было предопределено. Ну или когда третьему клиенту жена говорила: «Надо наконец принять решение», он вспоминал, что те же самые слова произнесла Мора Сарджент, сидя над разложенными картами Таро, и немедленно брался за дело.

Но туманность предсказаний отчасти лишала их силы. Их можно было счесть просто совпадениями или догадками. Над ними посмеивались на магазинной парковке, где клиент, как ему было предсказано, вдруг встречал давнего друга. Вздрагивали, когда замечали цифру 17 на счете за электричество. Понимали, что даже если тебе и открылось будущее, это никак не повлияет на твою жизнь в настоящем. Предсказания были правдой — но не всей.

— Я обязана вас предупредить, — всегда говорила Мора очередному клиенту, — что предсказание будет точным, но не конкретным.

Так было проще.

Но с Блу не церемонились. Раз за разом женщины изучали ее ладонь, раскладывали на мохнатом ковре в гостиной вынутые из обтрепанной колоды карты, прикладывали пальцы к мистическому, незримому третьему глазу, который-де скрывается у человека между бровями. Бросали руны, толковали сны, вглядывались в чайные листья и проводили спиритические сеансы.

Все женщины приходили к одному и тому же выводу, откровенному и очень конкретному. Они говорили на разных языках ясновидения, но сходились в одном, а именно: если Блу поцелует своего возлюбленного, он умрет.

Долгое время это предостережение не давало Блу покоя. Оно, разумеется, было вполне конкретным, но в духе волшебной сказки. Ей не объяснили, каким образом умрет ее возлюбленный. И сколько времени пройдет после поцелуя.

Целовать обязательно в губы? Или целомудренный поцелуй в тыльную сторону ладони окажется столь же смертоносным?

До одиннадцати лет Блу была убеждена, что незаметно для себя подхватит какую-то заразную болезнь. Одно прикосновение ее губ к губам гипотетического избранника — и он умрет в мучительной борьбе с недугом, который не поддается современной медицине. Когда ей исполнилось тринадцать, Блу решила, что причиной его гибели станет ревность — в момент первого поцелуя их застигнет ее отвергнутый ухажер, с пистолетом наготове и сердцем, полным ярости.

В пятнадцать Блу сказала себе, что мамины карты — просто игрушки, а сны, которые видела Мора и другие ясновидицы, вызваны спиртным, а вовсе не пророческим наитием, поэтому на их слова можно не обращать внимания.

Впрочем, она знала, что это не так. Предсказания, которые звучали в доме номер 300 на Фокс-Вэй, были смутными, но неизменно правдивыми. Так, мать увидела во сне, что в свой первый школьный

день Блу сломает запястье. Тетя Джими предсказала годовой доход Мора с точностью до десяти долларов. Двоюродная сестра Орла всегда начинала напевать свою любимую песню за несколько минут до того, как ее включали по радио.

Никто в доме не сомневался, что Блу предназначено убить поцелуем своего возлюбленного. Впрочем, эта угроза витала в воздухе так долго, что потеряла силу. Представить шестилетнюю Блу влюбленной было не так-то просто. Разве что чисто теоретически.

В шестнадцать Блу решила, что никогда не влюбится, так что всё это неважно.

Но она засомневалась, когда в их маленький городок, который назывался Генриетта, приехала сводная мамина сестра — Нив. Нив была знаменитостью: она открыто делала то, что Мора делала тихо. Мора гадала у себя в гостиной, в основном для жителей Генриетты и для окрестных фермеров. Нив, напротив, проводила сеансы по телевизору, в пять утра. У нее был свой веб-сайт, и там посетители могли полюбоваться старыми размытыми фотографиями, с которых Нив смотрела на них в упор. Еще она написала четыре книги о природе сверхъестественного.

Блу никогда не видела Нив, поэтому о своей сводной тете она больше знала благодаря Гуглу, чем по личным воспоминаниям. Блу понятия не имела, зачем Нив приезжает, — но знала, что Мора и две ее лучшие подруги, Персефона и Калла, вели массу таинственных разговоров шепотом, обсуждая предстоящий визит. Эти разговоры обрывались, сменяясь прихлебыванием кофе и постукиванием каран-

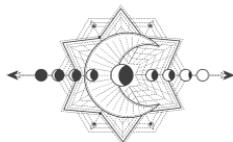

дашами по столу, когда Блу входила в комнату. Но ту не особенно волновал визит Нив. Подумаешь, еще одна женщина в доме, который и так ими переполнен.

Наконец Нив приехала — весной, когда тени гор на западе казались длинней обычного. Открыв дверь, Блу подумала, что перед ней стоит какая-то незнакомая старушка, но затем ее глаза привыкли к алому закатному свету, лившемуся сквозь ветви, и она поняла, что Нив чуть старше Моря, которая была еще совсем не стара.

Где-то вдалеке выли собаки. Блу не удивилась. Осенью охотничий клуб Агленби почти каждые выходные выезжал травить лис. Блу знала, что означают эти неистовые завывания гончих: они напали на след.

— Ты дочь Моря, — произнесла Нив — и добавила, прежде чем Блу успела сказать хоть слово: — В этом году ты встретишь свою любовь.

I

На церковном дворе стоял лютый холод. Еще до появления мертвых. Каждый год Блу и ее мать, Мора, приходили на одно и то же место, и каждый раз было очень холодно. Но в этом году, без Моры, казалось еще холоднее.

Было двадцать четвертое апреля, канун дня святого Марка. Для большинства людей этот день наступал и проходил незамеченным. Занятия в школах не отменялись. Никто не обменивался подарками. Не было ни специальных костюмов, ни праздничных мероприятий, ни распродаж, ни открыток, посвященных дню святого Марка, ни телепрограмм, которые выходят по особому случаю раз в год. Никто не отметил 25 апреля у себя в календаре.

Честно говоря, большинство людей вообще не в курсе, что у святого Марка есть день памяти.

Но смерть об этом помнила.

Сидя на каменной стенке и дрожа от холода, Блу сказала себе, что в этом году хотя бы нет дождя.

Каждый год, в канун дня святого Марка, Мора и Блу приезжали сюда — к уединенной разрушенной церкви, такой старой, что ее название позабылось. Эти развалины стояли среди поросших густым лесом холмов на окраине Генриетты, в нескольких милях от гор. Сохранились только внешние стены; крыша и пол давным-давно провалились. То, что не сгнило, скрылось под лозами плюща и какими-то зловонными побегами. Церковь окружала каменная стена, в которой был проделан один-единственный проход, достаточно широкий, чтобы могли пройти люди, несущие гроб. Упрямая тропка, которая словно не поддавалась сорнякам, вела к бывшей двери.

— А, — произнесла Нив, полная, но странно изящная, сидя рядом с Блу на стене.

Блу вновь, как и при первой встрече, была поражена ее необыкновенно красивыми руками. Пухлые запястья переходили в нежные, маленькие, как у ребенка, кисти с тонкими пальцами и овальными ногтями.

— А, — повторила Нив опять. — Вот это ночь.

Она сказала это так: «Вот это *ночь*», и Блу слегка поежилась. Она приезжала сюда вместе с матерью последние десять лет, но сегодня всё было по-другому.

Сегодня была *ночь*.

Впервые — и Блу не понимала, почему — Мора отправила Нив сторожить у церкви вместо себя.

Она спросила у Блу, не против ли та составить Нив компанию, но на самом деле это был не вопрос. Блу всегда туда ездила — и поехала бы и на сей раз. Не то чтобы у нее были какие-то свои планы на канун дня святого Марка. Но Мора не могла не спросить. Незадолго до рождения Блу она решила, что отдавать детям приказы — это варварство. Поэтому Блу выросла в окружении повелительных вопросов.

Она сжала и разжала замерзшие кулаки. Края митенок обтрепались. Она связала их в прошлом году, и довольно скверно, но в них был несомненный шик. Не будь Блу такой тщеславной, она могла бы носить скучные, зато удобные перчатки, подаренные ей на Рождество. Но она была тщеславной — и носила свои обтрепанные митенки, несравненно более крутые, хотя и менее теплые. И здесь никто их не видел, кроме Нив и мертвых.

Апрельские дни в Генриетте обычно были приятны и теплы. Спящие деревья выпускали почки, обезумевшие от любви божьи коровки бились об оконные стекла. Но только не сегодня. Сегодня было холодно, как зимой.

Блу посмотрела на часы. Почти одиннадцать. В старых легендах говорилось, что караулить в церкви нужно в полночь, но мертвецы плохо следят за временем, особенно когда нет луны.

В отличие от Блу, которая нетерпеливо ерзала, Нив восседала на старой церковной оgrade, как величественная статуя — руки сложены, лодыжки под длинной шерстяной юбкой скрещены. Блу, съезжившаяся, маленькая и худая, напоминала беспокойную незрячую горгулью. Ее глаза — обычные, челове-

ские — в эту ночь ничего не видели. Эта ночь принадлежала пророкам и ясновидцам, ведьмам и медиумам.

Иными словами, всем ее родным.

Нив вдруг спросила в тишине:

— Ты что-нибудь слышишь?

Ее глаза сверкнули во мраке.

— Нет, — ответила Блу, потому что ничего не слышала.

Потом она подумала, что, возможно, Нив что-то услышала.

Нив смотрела на нее тем же самым взглядом, что и на фотографиях в Интернете — преднамеренно обескураживающим, потусторонним, и этот зрительный контакт продолжался на несколько секунд дольше приемлемого. Через несколько дней после приезда Нив Блу настолько встревожилась, что пожаловалась матери. Они тогда вдвоем заняли крохотную ванную — Блу собиралась в школу, а Мора на работу.

Блу, пытаясь собрать все пряди своих темных волос в рудиментарный хвостик, спросила:

— Ей обязательно надо так смотреть?

Мора, стоя в душе, что-то рисовала на запотевшем стекле кабинки. Она рассмеялась, и ее тело мелькнуло в просветах длинных пересекающихся линий, которые она вывела пальцем.

— Это просто ее фирменный знак.

Блу подумала, что прославиться можно и другими вещами.

Сидя на каменной ограде кладбище, Нив загадочно сказала: